

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

Воспитание в самом широком философском смысле означает «целенаправленный процесс перевода накопленной человечеством культуры в индивидуальную форму существования, когда внешнее (объективное) становится содержанием внутреннего (субъективного), т. е. переводится в область сознания конкретных людей, чтобы потом соответственно отразиться в их мыслях, поведении, чувствах» [15]. Важнейшую роль в присвоении социально-культурного опыта, как известно, играют различные знаковые системы.

Знаки окружают человека на протяжении всей его жизни. Рождаясь, ребенок попадает не только в реальный, вещно-определенный мир, но одновременно и в мир условностей, знаков, символов, обозначений. Будучи втянутым активным освоением мира в обе эти действительности, ребенок поставлен перед объективной необходимостью в разных формах своей жизнедеятельности овладевать знаками и использовать их.

На особую роль знаков в развитии человеческого индивида указывал Л.С. Выготский, который выделил в онтогенезе как минимум шесть этапов, характеризующихся различными семиотико-психологическими особенностями. Уже на втором этапе совместная жизнедеятельность ребенка и индивида становится пронизанной символами и знаками. Складываются психологические системы общения с помощью знаков, знаки начинают восприниматься и продуцироваться ребенком в качестве средств, орудий общения с людьми. Такими знаками являются жесты, мимика, слова естественных языков, рисунки и т. д.

На следующем этапе, который начинается примерно с двух трех лет и длится до 10-12 лет, ребенок постепенно переходит от символической деятельности, выполняемой совместно с другими людьми, к символической деятельности, осуществляемой индивидуально. Четвертый этап, т. н. «этап высших психических функций» вырастает из предыдущего и может быть условно ограничен возрастом 12-14 лет. К этому периоду подросток начинает лучше осознавать связь знака и значения и оказывается способным резко улучшить любую из своих деятельностей за счет внешних форм ее организации: вычерчивания чертежей к задачам, составления мнемосхем запоминаемого материала, написания планов, создания моделей и макетов и т.д. Следующий этап – этап «вращения» – является ключевым этапом интериоризации самой знаково-символической деятельности, т.е. превращения высших психических функций из опосредованных внешними знаками в опосредованные внутренними знаками. И на шестом этапе высшие психические функции становятся внутренней по форме умственной деятельностью зрелой личности.

Очевидно, что в процессе своего развития, человеческий индивид овладевает все более сложными знаковыми системами, начиная от мимики и жестов и заканчивая знаками искусственных языков.

Проблема классификации знаковых систем занимает ученых и философов еще со времен античности. Тем не менее, до сих пор не существует какой-либо общепринятой типологии знаковых средств. Это объясняется, во-первых, различиями в трактовке самого понятия знака, а во-вторых тем, что в основу существующих классификаций положены совершенно разные критерии. Однако в некоторых наиболее общих моментах большинство типологий знаков перекликаются.

Первая классификация знаков, не утратившая ценности до наших дней, принадлежит И. Канту. Он выделяет 3 типа знаков:

1. Произвольные, или знаки умения, к которым он относит: 1) знаки жестов (мимические, которые отчасти бывают и естественными); 2) письменные знаки (заменяющие звуковые); 3) музыкальные знаки; 4) цифры; 5) знаки отличия (например, герб – знак определенного сословия, пользующегося привилегиями по наследству; 6) служебные знаки (мундир, ливрея); 7) знаки отличия по службе (орденские ленты); 8) знаки позора (клеймо и т.п.). К произвольным же знакам он относит знаки препинания.

2. Естественные знаки, которые бывают демонстративными, напоминающими и прогностическими. В качестве примеров демонстративных знаков Кант приводит удары пульса как знак определенного состояния человека, дым как знак огня и т.д. Напоминающие знаки – это памятники истории, искусства прошлого и т.д. Прогностические знаки возникают на основе обобщения опыта с целью предсказания, прогнозирования определенных последствий, например, предвидение заболевания на основе соответствующих признаков состояния организма человека. Однако общую практику оперирования знаками, по Канту, нельзя отождествлять, например, с практикой гадания.

3. Знаки знамения, которые во временном отношении совпадают с различными бедствиями и несчастьями и непосвященными людьми истолковываются мистически (например, как приближение страшного суда или конца света). Сюда относятся лунные и солнечные затмения, северное сияние и т.п.

Итак, знаки у Канта делятся на две большие группы. Естественные знаки и знаки знамения не создаются человеком, а лишь предполагаются и устанавливаются им. Произвольные же знаки или знаки умения являются искусственно созданными человеком.

Самая общая и самая древняя классификация знаков, восходящая к временам античности, основывается на их происхождение и заключается в делении их на естественные и искусственные. Однако, термины

«естественные» и «искусственные» знаки употребляются различными авторами неоднозначно. Так, если в одних работах деление на естественные и искусственные знаки проводится внутри одной из рубрик – внутри рубрики «языковые знаки», то другие авторы применяют его ко всем знакам, в том числе и языковым.

Например, Л.А. Абрамян утверждает, что «естественными (натуральными) знаками считаются природные процессы, которые не продуцируются в качестве именно знаков, но которые, тем не менее, воспринимаются и истолковываются как знаки». [1] К естественным знакам он относит народные приметы, симптомы болезней. Такие знаки обычно называются знаками-признаками (Ч. Пирс), указателями (Э. Гуссерль), симптомами (К. Бюлер). Главным отличительным признаком естественных знаков, по мнению Л.А. Абрамяна, является то, что «как и все знаки, предполагая наличие адресата, они не имеют отправителя. Они только воспринимаются и истолковываются в качестве знаков, так, как если бы природные процессы вызывались бы с целью информирования адресата. На этом основании некоторые исследователи считают действительными знаками только искусственные знаки». [1]

Искусственные же знаки отличаются тем, что «определенный вид адресатов не находит их в естественной среде, а сам их преднамеренно создает. Искусственные знаки – это собственно человеческие знаки. Они берут начало с того времени, как возникает человеческое общение – обмен знаками с целью установления взаимопонимания. Только в процессе такого общения один индивидуум сознательно и преднамеренно использует знаки для передачи другому определенного интеллектуального, волевого или эмоционального содержания». [1] Важной разновидностью таких искусственных знаков Л.А. Абрамян считает лингвистические, словесные знаки.

Таким образом Л.А. Абрамян применяет деление знаков на естественные и искусственные ко всем знакам, а не только к языковым. Подобной точки зрения придерживается и М.В. Гамезо, который к естественным знакам относит различного рода признаки предметов и явлений, интерпретируемые как знаки. К знакам искусственным он причисляет «те материальные творения человека, которые специально создаются для выполнения знаковой функции в общении, познании». [5]

Но если проводить разделение на естественные и искусственные знаки не среди языковых, а среди всех знаков в целом, то возникает проблема: куда отнести знаки национальных языков, которые, несомненно, являются знаками особого рода? Л.А. Абрамян, как указано выше, причисляет их к искусственным знакам. Б.В. Бирюков, напротив, относит к естественным

национальные и научные языки, а к искусственным – азбуку Морзе, азбуку слепых, кривые и графики и др.

Интересный подход к этой проблеме демонстрирует И.С. Нарский. На вопрос, «искусственными» или же «естественными» знаками являются слова повседневного языка» он отвечает: «они естественны и не естественны». [10] С одной стороны, «словам национальных языков присуща черта условности, поскольку один и тот же предмет в разных языках обозначается разными ... сочетаниями звуков... У слова и предмета, за немногими исключениями, типа слов-звукоподражателей, нет связывающего их каузального или, хотя бы, узкофункционального отношения. Поэтому слова национальных языков нельзя считать естественными знаковыми образованиями. Иначе говоря, они есть искусственные знаки». [10]

Однако, по мнению И.С. Нарского, условность слов национальных языков не означает их конвенциональности, т.е. зависимости от произвола того или иного субъекта, от его спонтанного решения изменить их значения. Слова со своими значениями возникают внутри речевых знаковых систем, которые складываются под воздействием многообразной исторической мотивации. Изменения значений слов также определяются подобной мотивацией. Но если это так, то о субъективности, искусственности происхождения слов не может быть и речи, т. е. слова не есть искусственные знаки. И.С. Нарский приходит к выводу, что элементы национальных языков не являются ни естественными, ни искусственными знаками.

Тем не менее, многие исследователи проводят разделение знаков на естественные и искусственные внутри языковых знаков. Например, А.М. Коршунов и В.В. Мантатов выделяют знаки естественных и искусственных языков. Аналогичное деление производят А.А. Ветров и др. в «Философской энциклопедии» и Б.В. Бирюков в «Большой Советской Энциклопедии».

Деление знаков на естественные и искусственные перекрещивается с другим крупным делением знаков. Данное деление основано на важнейшем свойстве знака – его семантическом значении, т.е. отношении знака к предмету обозначения. Связь знака с замещаемым содержанием может быть мотивированной (символической) или условной (знаковой). Деление знаков на произвольные (условные) и мотивированные восходит к Гегелю. Именно на основании гегелевского деления многие разграничивают символы и знаки.

Итак, деление знаков на произвольные и непроизвольные очевидно, т.к. подтверждается конкретными примерами, и присутствует во многих типологиях. Так, И.С. Нарский отмечает, что «знак может быть похож на обозначенный им предмет (как, например, египетские иероглифы-пиктограммы слов «солнце», «человек»), но может быть и совершенно непохожим (как, например, буквы «Б» и «В» в кириллице, которые не имеют

никакого сходства ни с соответствующими фонемами, ни со схемой положения органа речи). Знак может быть каузально обусловлен, в том числе собственным значением (например, нахмуренные брови как знак неудовольствия, дым, как знак пожара), но может быть избран помимо причинно-следственной связи (например, двоеточие как указание на то, что далее следует пояснение). Соответственно, знак может быть чужд конвенциональности, т.е. выбор его не произволен, а в иных случаях (точнее говоря, иной знак) может быть конвенциональным» [10].

На характере связи между означающим и означаемым основаны все классификации, восходящие к Ч. Пирсу. Знаки, (по терминологии Пирса репрезентамены (representamina) обнаруживают три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на различных взаимодействиях между означаемыми и означающими. Это различие позволяет Пирсу выделить три основных типа знаков:

1) иконические знаки, действие которых основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например, рисунка какого-то животного и самого животного. Первое замещает второе «просто потому, что оно на него похоже» [7].

2) знаки-индексы, действие которых основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого, например, дым – индикатор огня, гром – знак дождя, изменение высоты ртутного столба в термометре – показатель изменения температуры и т.д. Индексы во многих типологиях также называют «знаками – признаками» или «симптомами», т.к. они сходны с симптомами в медицине (например, по Пирсу, индексом является ускорение пульса как возможный симптом жара).

3) знаки – символы, которые, как правило, не имеют ни малейшего сходства с теми предметами или явлениями, которые они обозначают. Сущность их связи с обозначаемым предметом состоит в том, что «она является правилом. При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому, что известно это правило». [7] Так, известный всем дорожный знак «кирпич» – красный круг с белым прямоугольником посередине, может быть расшифрован словами « Проезд запрещен» лишь в том случае, если человек заранее заучил значение этого знака.

Следует отметить, что ряд исследователей, и, прежде всего Ф. де Соссюр, возражали против употребления слова «символ» для обозначения знаков, носящих условный характер, связь которых с их значением установлена определенным правилом, т.к. в традиционном понимании символа все-таки предполагается некоторая естественная связь между означающим и означаемым (например, весы как символ правосудия).

Здесь снова возникает проблема языка как системы знаков особого рода. Единого ответа на вопрос, произвольными или мотивированными являются лингвистические знаки, не существует. Ф. де Соссюр, как известно, выдвинул произвольность в качестве одного из двух принципов, определяющих природу языкового знака: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна» [14]. С ним согласились Ш. Балли, Л. Блумфилд и другие. Между тем противоположной точки зрения придерживался Э. Бенвенист, который в своей статье «Природа языкового знака» (1939 г.) утверждал, что «только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью, в то время как для носителя данного языка эта связь превращается в необходимость». [2] Отто Есперсен отмечал, что роль произвольности в языке слишком преувеличена, и что Соссюру не удалось решить проблему взаимоотношения между звуком и значением. По мнению А.Ф. Лосева «языковой знак», как и все другие типы знаков, «обязательно детерминирован, пусть не во всех отношениях, ... пусть не во все исторические периоды его развития». [9] По его мнению, если один и тот же предмет, например дерево, называется по-гречески *dendron*, по-латински – *arbor*, по-немецки – *Baum* и по-английски – *tree*, это еще не делает произвольность словесного обозначения ясной.

Действительно, в настоящее время существует ряд гипотез, объясняющих происхождение тех или иных языковых знаков. Некоторые исследователи высказывают мнение о существующем «звуковом символизме», т. е. мотивированности выбора звуковых знаков языка или их сочетаний при назывании предметов. А.П. Журавлев утверждает, что символика такого рода объясняется изначальной ролью в жизни формировавшегося человека предметов и явлений, связанных с различными звуками. «Раскаты грома, грохот извергающегося вулкана, шипение змей, рычание и рев опасных хищных животных, несомненно, создавали отрицательную оценку для низких, грохочущих или шипящих звуков; напротив, высокие чистые, мелодичные звуки были связаны с безопасными явлениями – пение птиц, журчание ручья и поэтому приобрели положительную оценку. Затем, закрепляющиеся в сознание человека оценки могли быть перенесены на любые другие звуки, в том числе и звуки речи». [6] Таким образом, согласно А.П. Журавлеву, формировалось первичное фонетическое значение языковых единиц. Подобные гипотезы происхождения языковых знаков очень интересны, однако их весьма сложно подтвердить документально.

Между тем, зачастую, мотивированность достаточно легко прослеживается в естественных языках. Как пример мотивированности в ряде языков Б.А. Зильберт рассматривает факт фонетического сходства

чисел, находящихся в отношении непосредственного следования: «девять-десять», «zwei-drei»- (нем). «Семантическая близость означаемых терминов родства также обусловила фонетическое сходство знаков – «father – mother – brother» (англ.), «père – mère – frère» (фр.). По мнению Б.А. Зильберта, мотивировка обязательно присутствует в момент рождения слова, «без мотивировки слово вообще не возникает, но с момента, когда слово становится привычкой, мотивировка его становится не нужной. Происходит утрата мотивированности, дестимологизация» [7].

Таким образом, проблема мотивированности языковых знаков может быть решена двояко: если рассматривать знаки в синхронии, они, без сомнения, произвольны. Однако, при рассмотрении их в историческом развитии, мотивированность ряда знаков можно проследить.

С проблемой мотивированности / произвольности языковых знаков теснейшим образом связан и вопрос об историческом развитии, эволюционировании знаковых систем. Сторонники существования исторического развития знаков отмечают, что развитие это идет от мотивированных знаков к произвольным. Изучение происхождения различных видов знаков показывает, что «их прародителями были такие знаки, которые имели определенное сходство или связь с обозначаемыми предметами» [12]. Но в процессе эволюции подобная связь утрачивается. Эта тенденция обусловлена, в частности тем, что это сходство (связь) в ряде случаев существенно ограничивает возможности оперирования знаками. Знак – признак (индекс), например, легко воспринять, но трудно воспроизвести. Не всегда возможно использовать и иконические знаки. Например, географическую карту просто невозможно было бы составить, пользуясь только рисунками и отказавшись от условных значков.

На эту тенденцию, применительно к своей классификации, обращает внимание Ч. Пирс, который утверждает, что «бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту ... Индекс существует в настоящем опыте ... Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет предсказывать будущее». [7]

Еще одним основанием классификации знаков являются выполняемые ими функции. На основании функций знаковых средств, многие авторы подразделяют их на языковые и неязыковые. Подобное деление выходит к Т. Гоббсу и Ф. Бэкону. Т. Гоббс рассматривал язык, прежде всего как источник познания, который отличает человека от животных, т. е. к языковым знакам он относил только те, которые производятся и используются человеком и во главе угла ставил их познавательную функцию.

Во многих современных классификациях языковые знаки выделяются, прежде всего, как средства общения. Так, у А.А. Ветрова языковой знак производится животным или человеком и служит средством общения

отдельных индивидуумов друг с другом. О таких функциях знаков как коммуникативная, познавательная и замещающая пишет Н.Г. Салмина. Она также выделяет два класса знаково-символических средств: языковые и неязыковые. В классе языковых она различает естественные языки, иконические средства и два вида произвольных средств. В классе неязыковых она выделяет субстратно-субстанциональные человеческие действия и пространственные средства (двухмерные и трехмерные), могущие в свою очередь быть и количественными, и произвольными.

В.В. Ким, проанализировав систематизации знаков, сделанные Т. Гоббсом и Ч. Пирсом, Д.П. Горским и В.А. Штоффом, предлагает свою систематизацию, где за исходное основание взято идущее от Ф. Бэкона деление всех знаков на языковые и неязыковые. Далее, внутри языковых знаков им выделяются естественные и искусственные; внутри искусственных – аналоговые и информационные, а информационные языки, в свою очередь, подразделяются на 3 типа: а) информационно-управляющие языки (алгоритмические), предназначенные для записи команд, идущих от человека к машине; б) информационно-логические языки (формализованные), предназначенные для формализации понятий и теорий той или иной области знания с помощью логико-математических средств; в) информационно-поисковые языки (кодовые), служащие для записи информации, ее накопление и однозначной выдачи по запросу (например, создание машинных словарей – тезаурусов). В группе неязыковых знаков В.В. Ким выделяет следующие подтипы: сигналы, квазизнаки и символы, а среди символов, в свою очередь, символы-эмблемы, художественные символы, символы - мнемонические знаки и научные символы». [6]

На функциях обозначения и выражения основано деление знаков на «указатели» (Anzeichen) и «выразители» (Ausdrücke) у Э. Гуссерля, причем, ко второй категории он относил языковые, словесные знаки, а к первой - все остальные. «Согласно Э. Гуссерлю, выделенные им категории знаков выполняют различные функции: одни, обозначая что-то, указывают на него, другие же выражают какую-то мысль... Эти функции, по Э. Гуссерлю, взаимно исключают друг друга, так что «указатели» лишены функции выражения, а выразители – функции обозначения. Т.о. гуссерлевская типология знаков, по сути дела, опирается на особую типологию знаковых функций». [1]

Таким образом, многие типологии знаков исходят из их функций (познавательной, коммуникативной, замещающей, информационной и других). На основе этих функций выделяют как языковые и неязыковые знаки, так и другие группы знаковых средств.

Вообще, оснований для классификации знаков может быть множество. С.А. Вылегжанина, например, классифицирует знаки не только по

формальным признакам (по способу существования она выделяет знаки статичные, динамичные, звуковые), но и по способу их применения и воздействия (здесь она выделяет широкофункционарующие и профессиональные знаки), и по длительности их существования во времени (долговременные, постоянные и кратковременные).

Наиболее детальной остается классификация Ч. Пирса, который выделил 76 разновидностей знаков.

Но такое дробное деление представляет интерес, пожалуй, только для специальных целей теории знаков. С точки же зрения философии, существенное значение имеет лишь общая типология знаков, в основе которой лежат строгие логические основания. Однако, как видно из рассмотренных примеров, единых оснований классификации знаков не существует, соответственно не существует какой-то единой, общепринятой типологии знаков.

Некоторые авторы, например, Г.А. Глотова, справедливо ставят вопрос: «можно ли вообще построить сколько-нибудь детальную систематизацию знаков, если учесть, что ... семиозис является проявлением всеобщей связи предметов и явлений материального мира. С этой точки зрения попытка построить систематизацию типов семиотических средств равняется попытке создать детальнейшую классификацию материи в целом (включая и все её свойства)» [5].

Это означает, что любая систематизация знаков будет ограниченной, но это не значит, что она не нужна (об этом свидетельствует существующее огромное количество таких систематизаций). Все в конечном итоге зависит от цели, с которой создается каждая систематизация, а анализ существующих классификаций позволяет глубже познать природу и свойства знаков.

Литература:

1. *Абрамян Л.А.* Гносеологический проблемы теории знаков. Ереван, 1965.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Москва, 1974.
3. *Вылегжанина С.А.* Знаки вокруг нас. Фрунзе, 1979.
4. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч. Т. 3. М., 1983.
5. *Глотова Г.А.* Человек и знак – семиотико-психологические аспекты онтогенеза. Свердловск, 1990.
6. *Журавлев А.П.* Диалектика взаимоотношения содержания и формы языковых знаков // Лекции по русскому языкознанию. Калининград, 1975.
7. *Зильберт Б.А.* Система знаков языка, их значения и мотивированность. Саратов, 1978.
8. *Ким В. В., Блажевич Н.В.* Язык науки. Екатеринбург, 1998.
9. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982
10. *Нарский И.С.* Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения. М., 1969.

11. Пирс Ч. Как сделать наши идеи ясными // Вопросы философии. 1996. № 12.
12. Полторацкий А. Ф., Швырев В. С. Знак и деятельность. М., 1970
13. Сапогова Е. Е. Ребенок и знак. М., 1993.
14. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Москва, 1977.
15. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. Кемеров В. Е., Керимов Т. Х. М., 2003.
16. Хабаров И. А. Философские проблемы семиотики. М., 1978.

М.В. КАЗАЧИХИНА, О.И. КОРОТЕНКОВА
ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Становление информационного общества – принесло с собой опасность распространения такого зла, как технологии манипуляционного воздействия на сознание человека, разрушающие душу, внедряющие в умы лживые установки, программирующие личность чуть ли не с самого рождения.

Открытие естественных наук, развитие техники, создавая предпосылки для преодоления природных ограничений человека, многократно умножают риски техногенных катастроф, приводят к появлению новых видов оружия массового уничтожения.

Рыночная экономика, обеспечивая изобилие товаров и услуг, порождает армию обездоленных, еще резче разграничивает общество на богатых и бедных. Более того, она порождает психологию поклонения Мамонне, погоне за деньгами и материальным успехом в сочетании с уклонением от первейших обязанностей перед ближними своими и перед всем обществом. Осознавая свою бездуховность, человек начинает понимать, что он может быть «мерой мира» при одном условии – если сам он соответствует Универсуму, высшей сущности, если он духовен, онтологичен. Только тогда человек может судить об отклонении от сущности, о нанесении вреда, о дисгармоничности личности.

Нахождение адекватных ответов на вызовы времени всегда требовало не столько материальных ресурсов, сколько духовных, нравственных усилий, пробуждения «молчащей совести» людей. В создавшейся ситуации мы вновь и вновь убеждаемся в том, что традиционные ценности, ценности православия, представляют собой неперемное, необходимое условие благополучия каждого человека и общества в целом.

Никогда прежде Россия так не нуждалась в укреплении своих самобытных духовных устоев и никогда прежде над нашей культурой и вековыми традициями не нависала столь явная угроза их утраты. Массовый терроризм последних лет одних людей против других людей показывает, что есть нечто страшнее воинствующего атеизма, что в мире неприкрыто действуют враждебные человеку силы зла.